

**Выступления
на презентации книги
«В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима
Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991)», Москва, «Альпина
Бизнес Букс», 2006**

19 сентября 2006 года

Горбачев М.С. Добрый день! Спасибо, что вы откликнулись и пришли на нашу встречу. Мы придаем ей большое значение, потому что речь идет о презентации интересной, на мой взгляд, уникальной публикации. И мне думается, что мы должны поблагодарить тех, кто потрудился над тем, чтобы она получилась.

Оказывается, не только рукописи, но и записи не горят. Я узнал, что мои коллеги располагают записными книжками, в которых отражено очень многое из того, что происходило в Политбюро, около Политбюро, и конечно около Генсека. Поскольку речь идет о записках помощников или членов Политбюро, которые со мной были связаны - о записках двух помощников Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР - Анатолия Черняева и Георгия Шахназарова - и члена Политбюро Вадима Медведева.

Идея публикации родилась пять лет назад. Потребовалось года три расшифровки. В результате мы получили 3500 страниц текста. Как вы понимаете, в книгу вошла только часть материала. Мы еще должны много работать над ним и думать, как его издать и ввести в жизнь. Но, тем не менее, я внес предложение о публикации, поскольку идет масса споров, создается множество мифов, распространяется много лжи о том времени. Год назад, к 20-летию перестройки вышла моя книга «Понять перестройку. Почему это важно сейчас». В самом деле, многие еще не осмыслили - по большому счету, глубоко, серьезно - значение перестройки для нашей национальной и мировой истории.

Единственное, что всех оправдывает - когда-то сказанные очень верные слова Чжоу Эн Лая – тогда премьера Госсовета Китая - на встрече с

французской делегацией. На вопрос, «как он оценивает влияние Французской революции на мир и на Китай, в частности», он ответил: «ну, знаете, еще рано подводить итоги». Это было сказано без малого два столетия после Французской революции.

У нас уже все итоги перестройке подвели. Кое-кто уже от нее открестился. Но вместе с тем понимания и внимания к ней становится всё больше. Мы это обнаружили именно в связи с 20-летием перестройки, когда анализировали опросы общественного мнения

Я хочу подчеркнуть, что книга, которую мы сегодня представляем, это не стенографические записи. Эти записи - личная инициатива авторов, которые участвовали, практически, во всех заседаниях Политбюро (кроме сугубо закрытых, на которых рассматривались специальные вопросы), и имели возможность эти записи делать. То есть это документ, но, скажем так, пропущенный через восприятие очень компетентных людей - людей, которые приложили немало усилий и много отдали для того, чтобы перестройка состоялась, развивалась при всем драматизме ее окончания, когда перестройка оборвалась под ударами противников. Не буду возвращаться сейчас к этому.

Когда я ознакомился с материалом (а я, по ходу его подготовки, читал, листал те три с половиной тысячи страниц, а уж то, что авторы отобрали для этой книги, я внимательно прочитал), я увидел, конечно, что он достоверен по сути. Но восприятие событий у каждого свое: есть и медведевское восприятие, и шахназаровское, и черняевское, особенно превалирующее в этой книге. Даже в записях это сказалось. Но, тем не менее, у меня не возникло желания задержать публикацию, «не пустить»: дескать, пусть лежит, потом понадобится. Я думаю, как раз, что надо «пустить», потому что мы все еще бредем и ищем свою дорогу. Мне кажется, мы ее найдем, хотя некоторые, в том числе и авторы записей, разочаровались во многом – в том, что происходило и происходит сейчас. И у них меньше оптимизма, чем у меня. Я остаюсь оптимистом. Но это не оптимизм «ура-ура!», а оптимизм,

построенный на понимании, поскольку я чем-то располагаю для того, чтобы прийти к такому выводу. Это всё-таки вывод - не просто настроение, но вывод.

Я думаю, что книга – очень крупный и серьезный взгляд на перестройку. Я еще раз ее прочитывал и видел, как всё происходило, как менялись люди на моих глазах. Чем больше мы углублялись в перестроечные процессы, тем больше возникало проблем, вопросов, недопонимания. Это выплескивалось на наших заседаниях, и это здесь отражено. Поэтому книга, пожалуй, может конкурировать с любым детективом и уж тем более с придуманными историями, придуманными версиями: «а могло бы быть так ...»

Я даже моему другу Георгию Шахназарову (здесь его супруга, Анна Григорьевна, я ее приветствую и поздравляю; жаль, что Георгий не дожил, не с нами), сказал, когда он написал книгу «Цена свободы», и мы беседовали по этой книжке.

Говорю: хорошую ты книжку написал, но много бумаги израсходовал на свои записки Генеральному секретарю.

Так это же, - говорит он, - очень важно.

А я говорю: это важно, но ты же мне писал для того, чтобы я учел. Но рядом еще были Черняев, Медведев, Шеварднадзе, Яковлев и т.д., директора институтов. От них тоже поступали записки. Поэтому если вот так сложить их и не обдумывать, то они гасили часто друг друга. Можно, как говорится, их в сторону отодвинуть и дальше продолжать. Поэтому ты придал их гласности, чтобы сказать: «вот если бы Горбачев делал всё, как я ему писал, всё было бы хорошо».

Но это был дружеский разговор. И обстановка была такая в отношениях между Генсеком и его помощниками – абсолютно товарищеская, абсолютно открытая, абсолютно принципиальная и честная. Я даже им сказал: иначе вам нечего делать рядом со мной.

Решения Политбюро принимались под моим большим влиянием. Если один или два члена Политбюро не соглашались по какому-то вопросу, то вопрос откладывался. Таков был механизм. (Это я и для Роя Медведева тоже скажу. Я читаю все его книжки - сколько он напридумывал! А ведь человек – демократ, убежденный сторонник, друг и т.д. Я думаю, ну отчего это?)

Думаю, очень важно, чтобы эту книгу люди прочитали. Увидели всё, что происходило, и как. Это снимет много мифов и разных базарных сплетен... Потому что надо этот период защищать и извлекать уроки, делать выводы.

Я считаю, что значение книги огромно для понимания, для обдумывания, как нам жить, как обустраивать Россию, потому что без стратегических ориентиров, точно так же, как и без живой работы по реализации планов - не обойтись. Думаю, прежде всего, в этом состоит значение этого документа. И, конечно, возникает ясность по многим вопросам.

О том, как мы хотим распорядиться этим материалом: речь идет о том, чтобы, прежде всего, в России, на постсоветском пространстве и в мире этот документ поступил в распоряжение читателей. Может быть, это не понравится политологам, поскольку до сих пор они всё интерпретировали - но это уже другой вопрос. И они еще будут писать, им надо писать, жить и работать.

Сейчас я хочу дать выступить Анатолию Сергеевичу и Вадиму Андреевичу. А потом можно обменяться мнениями.

Черняев А.С. После Михаила Сергеевича, в общем, мне мало остается что сказать. Я хотел бы первое слово произнести – благодарность издательству - Алексею Марковичу Ильину, его прекрасным женщинам, с которыми мы делали эту книгу. Поразительное было проникновение в характер этого сочинения, в понимание того, что там написано. Такое взаимодействие было. В общем, было очень приятно работать, и всё это

происходило в мгновенные сроки. За несколько месяцев сделан этот почти 1000-страничный том. Так что мы очень признательны издательству.

Я обращаю ваше внимание, что эту книгу хорошо читать и понимать в контексте книги, которая вышла в том же издательстве полгода назад – книги Горбачева, которая называется «Понять перестройку...». Там есть ответы на некоторые вопросы, которые возникают и при чтении этого произведения.

Еще я вслед Михаилу Сергеевичу хочу сказать следующее. Как мы записывали? Вот мы сидели за спинами членов Политбюро в этой знаменитой комнате. Сначала я, потом включился Георгий Хосроевич, Медведев. Мы независимо друг от друга записывали, мы не знали, мы только здесь в Фонде узнали, что мы сидели и записывали. Я этого не знал. Члены Политбюро терпели, хотя и не видели, что мы там такое пишем. А они знали, что со времен Сталина запрещено, что бы то ни было записывать на Политбюро и что-нибудь выносить из Политбюро - но они терпели.

По нашей уже привычке писать дневники, просто было трудно удержаться, потому что мы понимали, что мы присутствуем при великой исторической драме, и находясь в положении помощников, которые допущены на самый высший уровень, не зафиксировать это так воочию, фотографически - было просто преступление,.

Михаил Сергеевич, как он уже сказал, просматривал наши записи, просматривал окончательный текст. Если уж что он вычеркивал, то очень немного. Это относится, главным образом, к некоторым мужским, условно говоря, выражениям, которые там присутствуют, в ходе полемики. А по существу он ничего не вычеркивал, хотя некоторые вещи, конечно, вроде и не очень выгодно выглядят. То есть он отнесся совершенно объективно и честно к этому произведению.

Как эта идея возникла – Михаил Сергеевич рассказал. Идея принадлежит ему. Он сказал: ребята, давайте соберите записи - я знаю, что вы все трое писали - и сделайте большой проект. Вот этот большой проект мы сделали, а потом он же предложил, наконец, после долгих колебаний

превратить его в книгу. В книгу вошло примерно две трети из того, что стоит у нас в шкафу из этого 6-томного проекта.

Всё ли мы записывали? Естественно, всё записать было невозможно. Записывали только самое существенное. В повестке дня заседаний Политбюро было по 10-15 вопросов. Были и мелкие, текущие вопросы, которые переставали быть актуальными буквально через несколько недель или месяцев, а лет-то, тем более. Но мы старались отразить то, что представляет сущность перестройки, как нам представлялось, ее историческое значение.

Вот какой момент, на который обращают внимание некоторые наши и иностранные исследователи перестройки. В архиве Политбюро хранится стенографическая запись части заседаний. При Болдине, когда он был начальником администрации Генерального секретаря и Президента, записывалось это на эти «жучки». Не знаю, знало ли Политбюро, но я знаю, что членам Политбюро он не докладывал то, что получалось. Но мне по-дружески стенографистки сказали, что такая запись ведется, и им поручено с пленки переводить всё это на бумагу. А потом они сами же мне говорили: Анатолий Сергеевич, он так правит эти стенограммы (сам Болдин лично). У меня, например, никакого доверия к тому, что там оставалось, нет. Этих стенограмм я не читал, но ими пользуются, я знаю, некоторые мемуаристы. Вот, скажем, в своих мемуарах Воротников часто ссылается на записи, которые хранятся в архиве.

О вкладе Шахназарова Георгия, моего друга: он записывал меньше, чем я, и не всё, но он выбирал очень важные, очень яркие вещи и своим блестящим стилем это описывал.

Вадим Андреевич Медведев вел подробный дневник. Я все время к нему пристаю, чтобы он издал свой дневник. Но кое-что и многое мы взяли из его дневника и в эту книгу. Ему трудно было. Он член Политбюро, он должен был следить за дискуссией, участвовать в дискуссии. Так что он записывал постфактум, что называется.

Огромную роль в создании этой книги сыграл Александр Борисович Вебер. Вся выверка текстов, вся систематизация текстов, все примечания и приложения – всё это его работа. То, что это стало книгой, это в значительной степени его заслуга.

Какое значение мы сами придаем этой работе? Какой смысл мы видим в этом издании? Прежде всего, это исторический источник, который имеет не только политическое, но я считаю и нравственное, моральное значение. Мы хотели этим сборником документов отстаивать правду об одном из самых ярких, хотя и трагических периодов российской истории. Ложь о перестройке имеет вполне объяснимое происхождение: от метода, каким была свергнута перестройка, и от людей, которые это сделали. Но эта ложь естественно вписалась в большую ложь, которая стала довольно влиятельной составной частью нашей общественно-политической жизни сейчас.

Вообще наше общество складывается на основе двух компонентов, как написал недавно один умный обозреватель «Независимой газеты»: державной государственности, которая сращивается сейчас с мракобесием. Под мракобесием я понимаю то, что вы все сразу подумали, но к этому я подключаю все эти поп-шоу, поп-токи, всю эту дебилизацию населения, которая валом идет с телеэкрана.

В этой книге мы хотим помочь обществу как-то выпутываться из этого состояния нашей теперешней жизни. Книга просто интересная. Я не боюсь, что меня обвинят в самохвальстве, потому что не я автор этих текстов. Я – один из собирателей.

И еще я хочу предупредить. Правда, я не знаю, во всех ли это книгах приложено. Там в предисловии две очень нелепых опечатки и обе связаны с XXVII съездом КПСС. Один раз вместо XXVIII съезда поставлен XXVII, а другой раз вообще написано о съезде КПСС, в то время, как речь шла о Съезде народных депутатов СССР. Я просто обращаю на это внимание тех, кто будет читать. Но, кажется, мы успели вложить туда этот листочек. Вот всё, что я хотел сказать по этому поводу.

Медведев В.А. Я хотел бы добавить несколько штрихов к тому, о чем только что рассказал Анатолий Сергеевич. Во-первых, при чтении книги вы обнаружите, что начальный период перестройки 1985-1986 годы нашли довольно скупое отражение в этой книге. Это объясняется очень просто. Объясняется тем, что я в то время был еще заведующим Отделом науки ЦК КПСС и, во-первых, не в каждом заседании Политбюро участвовал, а, во-вторых, потому что вроде бы и не возникало такой мысли, что-то там записывать. Для себя какие-то пометки для работы делал, но, конечно, какого-то связанного изложения событий 1985 и 1986 годов, XXVII съезда партии в книге не получилось... Кстати говоря, и Анатолий Сергеевич, и Георгий Хосроевич еще не были тогда помощниками Генсека и тоже, естественно, не могли вести какие-то записи по этим событиям.

И второе, на что вы обратите внимание, что с середины 1990 года и до августа 1991 года практически отсутствуют материалы, освещающие работу Политбюро, хотя книга названа «В Политбюро ЦК КПСС». Объясняется это тем, что ни я, ни Анатолий Сергеевич, ни Георгий Хосроевич, в общем-то, в работе Политбюро тогда, насколько я понимаю, не принимали участие. Да и Михаил Сергеевич Горбачев не очень часто, как у меня сложилось представление, появлялся на заседаниях Политбюро. Это практически было уже не то Политбюро, которое существовало до XXVIII съезда партии. В нем кроме Генерального секретаря не было никакого из государственного и правительственного руководства в отличие от прошлых лет. И вообще это вопрос очень такой серьезный, щекотливый.

Я думаю, не совсем правильно мы поступили, что Политбюро, в общем-то, оказалось тогда где-то на обочине. Оно должно было изменить, конечно, содержание своей работы в связи с тем, что партия перестала быть ядром государственной системы после XXVIII съезда, но все-таки партия и Политбюро не нашли свое место в политической жизни и там появились настроения ревности, настроения критические в отношении Президента, потому что основная политическая кухня перешла со Старой площади в

Кремль. Политбюро и раньше заседало в Кремле, но, в общем-то, перешла в Президентский Совет и в аппарат Президента.

Я думаю, что содержание книги от этого не проигрывает, потому что деятельность Президента, заседание Президентского Совета, Совета Федерации и тем более совещания, которые проводились в рамках Ново-Огаревского процесса, нашли достаточно полное отражение в книжке. Так что продолжение этой ткани свободного изложения событий, которые происходили в высшем политическом эшелоне власти, получилось по этой причине, хотя уже без присутствия Политбюро ЦК КПСС. Это первое.

Второе замечание и соображение, которое хотелось бы мне сделать, касается того, что, конечно же, основная и по существу, и по объему доля материалов принадлежит Анатолию Сергеевичу Черняеву. Он вел записи на Политбюро, он уже говорил об этом. Мне приходилось делать только отдельные пометки, которые необходимы для работы самого Политбюро, для участия в дискуссии. Правда, каждый день в конце дня где-то в десять, одиннадцать часов вечера я надиктовывал страничку - полторы странички того, что произошло в течение этого дня, и там событийная ткань нашла отражение. И некоторая часть этих материалов попала в книгу, хотя основная масса их в огромных папках у меня лежит пока без движения. Я раздумываю, как с ней дальше поступить. Часть ее вошла в общий материал, который сконцентрировался в Фонде, но и за пределами этого осталось большое количество материалов.

В общем-то, книга содержит материалы, которые трудно отнести к какому-либо жанру. Потому что предъявлять к нему требования о том, чтобы он адекватно как-то отражал всё, что говорилось, невозможно. Все-таки печать субъективности лежит на этих пометках, хотя есть и некоторые материалы, документально отражающие суть отдельных выступлений – и Генсека, и членов Политбюро. И, конечно же, возникла проблема при работе над этим материалом, чтобы придать ему все-таки максимально объективный

характер. Сделать это, в общем-то, удалось, хотя полностью освободиться от эмоций было трудно, особенно Анатолию Сергеевичу Черняеву.

Но я должен сказать, что все замечания, касающиеся субъективного восприятия, набраны иным шрифтом, курсивом. Это видно будет из текста. Так что там можно извлечь и объективные материалы, т.е. фактологическое изложено того, что говорилось, и какое-то субъективное отражение. Но в этих субъективных заметках, моих, например, таких эмоций, там нет – я должен сказать. Но, может быть, в одном-двух случаях, но в основном это фактологическое изложение того, что было.

И как официальный документ его нельзя воспринимать, и как свободное изложение тоже нельзя воспринимать. Вот так принимайте, как оно получилось с учетом того, что это делалось по рабочим записям, делались и по памяти некоторые вещи.

В общем, я думаю, это будет довольно интересное чтение и интересный документ, потому что книжка – это уже какой-то документ, но не такой, который надо принимать как какую-то официальную версию. И настанет время, правда, я не знаю, когда оно настанет, когда будут опубликованы уже подлинные записи материалов: и протоколы, и решения, и рабочие записи, которые велись вначале Лукьяновым, а до него еще и Боголюбовым. Это было традиция: заведующий Общим делом вел все-таки записи. Что-то появилось уже в печати, но что-то «за семью замками» хранится в президентском архиве. Вот тогда можно будет сопоставить с тем, что мы написали. Но я думаю, что сравнение это будет – не скажу, что в нашу пользу. Оно будет на общую пользу для выяснения не только документальных основ событий, которые тогда развивались, но и какого-то живого восприятия этих событий или этих документов, которые отражены в нашей книге.

Абалкин Л.И. Уважаемые коллеги! Обсуждаемая книга – это крупное явление. Не скажу, что в большой общественной жизни, а в анализе истории нашей страны, в анализе ее судеб, в определении и расстановке сил, лиц,

позиций, потому что историей перестройки мы будем заниматься еще не один десяток лет и надо искать все материалы. Потому что это элемент самоопределения России, самопознания России и размышлений о завтрашнем дне. Поэтому я очень рад.

Я в принципе читатель. Я обычно очень внимательно читаю, в том числе и эту книжку, включая все опечатки, которые назвали и которые еще есть в книжке.

Вы посмотрите, на одной из страниц, когда упомянуты Селюнин и Шмелев, то сноска, где сделана фамилия Селюнина, а внизу сказано, что это автор книги «Авансы и долги». 117-я страница, если я не ошибаюсь, можете проверить. Нет, я еще много чего могу найти, но у меня есть размышления вокруг исходной базы.

Написано три тома. Эта книжка сделана, она уже стала фактом. Нужно думать о будущем. И вот возникает вопрос об упущенных моментах.

Я понимаю, что были сложные события, еще не были помощниками и т.д. Но вот майское решение 1985 года о запрете на винно-водочные изделия в материалах Политбюро не отражено. Потом много раз пишется, сколько мы на этом потеряли миллиардов, сколько лишился бюджет и т.д. Но самого факта - кто инициировал, кто принял его, как за него проголосовали - нет...

Очень много возникает вопросов, когда идет какое-то обсуждение, но нет некой фактуры. Понимаете, нет постановлений Политбюро. Спорили о чем-то, приняли постановление короткое, полстраницы, на страницу, но его нет в документах. Должны его где-то разыскивать в другом месте. Есть какая-то информация, доклад, сообщение, что-то обсуждается. Сразу идет обсуждение, ну а что же было сказано, кто бы там ни предлагал из министров, секретарей ЦК и т.д. Это тоже очень сложно.... Как это, чтобы сделать это тем материалом, на основе которого можно было бы в полной мере пытаться сформулировать историю перестройки со всеми этими нюансами, обращениями и т.д.

Некоторые вещи, я бы сказал, наводят на серьезные размышления. Это я много раз читаю. Вот мы все сделали, мы обо всем договорились, мы выработали принципиальную позицию. Едем на место – ничего не изменилось. Как не работали, так и не работают. Как не делали, так и не делают. И вот несколько раз возникает эта проблема: что же произошло? Я понимаю, что есть чиновники, административно-бюрократический аппарат, административно-командная система, 80 миллионов управляющих, которые сопротивлялись. Хотя много раз говорили, что чиновников надо «душить», сокращать – но, по-моему, я не видел никаких цифр, не видел, чтобы кого-нибудь из чиновников сократили за это время. Это страшный аппарат.

Я сейчас смотрел просто наши цифры уже в связи с последними событиями. Количество работников аппарата управления (мы критиковали тогда 90-е годы, засилье административно-командной системы) в России выросло в два раза по сравнению с 1990 годом. Данные по России, точно выверенные. Количество чиновников по России и в 1990 году, и в 2005 году в два раза выросло. Это люди, которые могут дать и могут не дать, могут открыть лицензию, могут закрыть лицензию. Они управляют страной, а не правительство. Это страшное дело.

Общая численность занятых в стране сократилась – абсолютная численность. Количество чиновников выросло в два раза. Где были потеряны нити между принципиально правильными политическими, юридическими, нравственными оценками Политбюро и бездеятельностью на местах? Где мы это потеряли?

Кстати, насчет протоколов – то, что протоколы Политбюро не велись и т.д., но я много раз участвовал в заседаниях. На столе лежали папочки с названием «Политбюро». Каждый брал папочку и вел себе записи. И никто не смотрел черными глазами на тебя: ты – не член Политбюро, а какие-то записи... У меня много этих записей есть на записках Политбюро, когда слушались наши вопросы. В общем, богатый материал.

Я говорю про обстановку. Я уже пришел в Институт экономики, членом секретариата я был назначен в 1986 году. Начали поднимать историю, восстанавливать забытые имена - тех, кто выпал из исторической памяти. Начали готовить издание работ Кондратьева, Чаянова, Богданова. Вот мы сидим и в институте работаем. Это в 1986 году. А осенью 1989 года на Политбюро выступление: вот академик Никонов хочет поднять имена таких буржуазных экономистов, махровых защитников кулачества, как Кондратьев, Чаянов и др. Я в то время не читал этих записок, но потом в книге это всё все-таки выпустили. Мы создали фонд Кондратьева, который до сих пор существует. Но обстановка была очень непростой.

Я рад появлению этой книжки. Думаю, что она помогает нам в воссоздании нашей истории, потому что народ, забывший свое прошлое, не имеет шансов на завтрашний день.

Я должен сказать, что в последние три, может быть, четыре года возник резкий интерес к истории советского общества, повсеместно наблюдаемый. У меня есть много поколений в семье – дети, внуки, правнук уже в школу пошел. Я наблюдаю интересные сдвиги в понимании современной молодежи. И в этом наш шанс на будущее. Отношения, в том числе и к средствам массовой информации, меняются. Уже сейчас залпом не проглатывают всё, что говорят по любой программе.

Я благодарю авторов этой книжки, и надеюсь, что она получит продолжение. Для нас, историков, эта книга, конечно, большой подарок. Если она будет иметь продолжение, то это еще больший подарок. Я бы такое сравнение сделал, что расшифрован один из «черных ящиков». После аварии - я не назову это катастрофой, это, скорее, авария (я потом поясню, почему я считаю, скорее, аварией) - было много мемуаров. У меня даже в библиотеке больше 50 томов мемуаров, в том числе и тех, кто составлял эту книгу. Несколько книг Вадима Медведева, Черняева, Шахназарова - но у нас не хватало документов. У нас не хватало прямых записей заседаний Политбюро.

Мы, историки, знаем, что для нас самая трудная задача – это найти, как принимается то или иное решение. Не обязательно в Советском Союзе. В Америке никто не знает, какая технология принятия самых важных политических решений. Политики нам, историкам, не хотят помогать. Как принимал решения Рузвельт, как принимал решения Черчилль, как принимал решения любой другой крупный политик – это бывает выяснить чрезвычайно трудно. И так же в Советском Союзе. Не Сталин, а Ленин еще запретил вести какие бы то ни было записи на заседаниях Политбюро. Мы здесь должны быть абсолютно свободны в своих высказываниях. Никаких стенографисток, никаких помощников в помещении Политбюро вообще не допускалось. Только члены Политбюро.

Позднее за 30-е годы сохранились повестки дня Политбюро. Конечно, потом мог Молотов вспоминать какие-то заседания, но никакого точного анализа, как принималось то или иное решение, невозможно установить. Как принималось решение по Катынскому делу? Не понятно, в повестке дня на каком-то 30-м месте слушали доклад Берия, решили там принять решение по таким-то лагерям. Кто выступал, какие мотивы – мы, историки, этого не знаем.

При Хрущеве тоже записей заседаний Политбюро почти не велось. И то, что на заседаниях Политбюро при Михаиле Сергеевиче не с 1985-го, а может быть с 1986 года, велись какие-то записи, и члены Политбюро могли вести записи, и помощники сидели в помещении Политбюро. Я говорю, что это для нас, историков, большой подарок.

Очень многие события находят свое начало или, во всяком случае, объяснение. По любому вопросу, который бы мы сейчас ни изучали за 70-е и 80-е годы, мы все равно находим след в этих заседаниях. Те, кто изучает афганские события, они здесь найдут какое-то объяснение хода или конца этих событий. Те, кто обсуждает и изучает процессы реабилитации, видит, с какими огромными трудностями сталкивались. Те, кто изучает историю экономического кризиса или состояние экономики в 80-е годы, тоже видит...

Я не говорю о том, как обсуждалось – компетентно или не компетентно. И то, и другое важно для историков. Потому что я не хочу давать оценки тем, кто как себя показал на этих заседаниях. Видно, конечно, какой консерватизм царил тогда на заседаниях.

Один такой факт: когда собираются заведующие отделами ЦК и Михаил Сергеевич говорит (это еще 1986 год), что мы приняли решение о возвращении Андрея Дмитриевича Сахарова в Москву, насколько враждебно это было принято в аппарате ЦК партии! А Зимянин не удержался даже от реплики: «Хоть благодарность вам Сахаров за это выразил?» Человека возвращают из заключения, из ссылки, и он должен еще благодарить. То есть, конечно, решение таких вопросов наталкивалось на колоссальное сопротивление не только в нижних звеньях аппаратах, но и в самых высших звеньях аппарата, в том числе и в самом Политбюро.

По тем обсуждениям, которые здесь велись, видно, что и в самом Политбюро, конечно, многие решения принимались вынужденно. Просто так было принято, что инициатива Генерального секретаря должна быть поддержана. И когда она не поддерживалась даже меньшинством Политбюро, Михаил Сергеевич говорил: снимем вопрос с повестки дня. Пять человек - «за», три человека - «против». Вопрос снимается с повестки дня, потому что должно быть по традиции полное единогласие. Вот все должны решить обязательно одинаково.

Медведев В.А. Я не помню такого случая, когда бы какие-то решения на Политбюро ставились на голосование.

Медведев Р.А. Это решалось не голосованием.

Черняев А.С. Михаил Сергеевич прервал обсуждение. Там перечислено, кто был «за», кто – «против». И сказал, что волею Генерального секретаря снимает вопрос с обсуждения.

Медведев Р.А. Конечно, я не могу согласиться с предисловием в некоторых пунктах. Конечно, правильно, эта была великая историческая трагедия. Но когда говорится, что судьба всех революционеров-

реформаторов такова - нет, конечно, в XIX и особенно в XX веке были реформаторы или реформы или революции даже, которые как бы удались. Реформы происходят. Проходят и сегодня некоторые реформы довольно успешно. Например, в Казахстане проводится реформирование. И меня это иногда поражает и поражает слушателей, перед которыми я выступаю. Я говорю, что, понимаете, Политбюро 80-х годов еще живо в нынешнем СНГ. У нас многие члены Политбюро, которые в этой книге представлены как ораторы, возглавляли или возглавляют страны СНГ: и Назарбаев, и Ниязов, и Каримов, и покойный Гейдар Алиев, и Шеварднадзе, который 10 лет стоял во главе Грузии. То есть старый состав Политбюро оказался востребованным в очень многих отраслях и в СНГ, и в меньшей степени, в России. И когда статистики подсчитают, какой процент советско-партийных работников 80-х годов работает и сегодня на очень ответственных постах во властных структурах, то, получается, от 40 до 70 процентов продолжают и сегодня работать во всех разных странах или отраслях в СНГ.

Поэтому я и говорю, что это была не катастрофа. Катастрофа - когда все погибают. А мы вот здесь - и члены Политбюро, и участники тех событий - сидим и обсуждаем уроки этих событий. И не все еще кончено. В СНГ происходит огромное движение к сближению, интеграции. Возникает общее экономическое пространство. Возникает общее информационное пространство, общее оборонное пространство, пространство безопасности общее. Идут какие-то сложные процессы, и все видят, что после распада Советского Союза никто не стал жить лучше. И происходят совершенно неожиданные процессы, которые никто не ждал - в Прибалтике, в Закавказье, на Украине.

Я, как историк, иногда просто поражаюсь тому, как мы плохо знали свое собственное общество. Но это еще и Андропов говорил, когда он на первом пленуме в ноябре сказал, что мы плохо знаем общество, которым руководим. И еще Андропов сказал уже в более частном порядке, что самой главной опасностью является бедность нации, бедность народа.

И я, как историк, могу сделать такое сравнение. Мы во время перестройки столкнулись с тем, что надо перестраивать не только советские десятилетия – 70 лет Советской власти, но и 300-летие романовской империи, потому что 300 лет авторитарного правления, 70 лет тоталитарного или авторитарного правления Советского Союза разбросали по всей стране семена раздора. Семена, которые не прорастали, потому что авторитарный режим им не давал прорасти. А когда началась уже и демократическая перестройка, и когда начался распад Советского Союза, эти семена стали расти и превратились уже в ветви, ростки раздора и разваливают государство. Украина развалилась, наверное, на 10 или 12 частей и неизвестно как их стянуть в единое целое. Эти семена раздора возникли и в Закавказье, Российской Федерации. Но, тем не менее, все равно процесс интеграции происходит. Процесс сближения происходит, и не все потеряно даже и с социалистическим выбором, потому что социалистический выбор опять начинает набирать обороты в мировом масштабе. И это внушает все-таки определенный оптимизм.

Я повторяю поэтому, что, конечно, масштабы незнания общества были очень велики и они видны и по этой книге. Видно, что никто не был готов к национальным волнениям, к национальному движению. Никто не был готов к рабочему движению, к стачкам шахтеров или к стачкам в других отраслях промышленности. Никто не был готов к сепаратистским требованиям и внутри СНГ, и в Совете Экономической Взаимопомощи.

Очень резкое различие между суждениями в этой же книге самой 1986 и 1987 годов и 1988 и 1989 годов. Те же самые люди, а суждения у них уже разные. Они не были готовы к тем проблемам и к тем поворотам, и к тем процессам, которые происходили в стране.

Поэтому, конечно, книга невероятно для нас, историков, важная, книга очень интересная. Незачем в данном случае судить, кто был прав или кто был не прав в тех или иных высказываниях. Это документ, это история. И уроки

этой истории, конечно, нами еще полностью не усвоены. И вот работа над такими книгами очень поможет нам эти уроки дальше изучать и оценивать.

Разумовский Г.П. Берусь утверждать, что я не прочел книгу от начала до конца так, как она заслуживает. Это не та книга, которая читается залпом. Даже для меня, для непосредственного участника многих дискуссий, очевидно, что надо читать ее с карандашом в руках и основательно читать.

Начну с того, что вопрос о перестройке для меня никогда не был праздным. Впервые я глубоко задумался не в 1985 году, конечно, а в году 1964-м.

Горбачев М.С. И молчал.

Разумовский Г.П. И молчал. Но не всегда молчал, конечно. Почему я отнес это к 1964 году? В марте месяце, в 28 лет, путем 15-минутной процедуры я был избран первым секретарем райкома партии на Кубани по предложению секретаря крайкома. Я знаю, что двумя годами раньше Вы в этом качестве оказались в Ставрополе. И вот тогда я остался у себя в кабинете новом совершенно и понял, что это нездорово, наверное, вот так вдруг не просто избрать, а наделить меня практически неограниченными полномочиями. А где начинались и кончались полномочия сельского первого секретаря райкома партии? Да они были там вот. И это в сочетании с тем, что я еще и по многим вопросам, включая рост производительности труда, должен был отчитываться. Что-то не стыковалось даже в то время с моими убеждениями.

Больше того, сомнения о недостаточной легитимности меня не покидали и тогда, когда я голосовал в Верховном Совете в 1977 году за Конституцию, где присутствовала статья шестая о роли партии. Но это к тому, что я был среди тех, кто воспринимал перестройку и умом, и сердцем.

По-моему, сегодня представлена нам очень нужная книга. Есть повод для глубоких раздумий, почему все-таки не велись протокольные записи в Общем отделе, с редакторской правкой после, а настоящие протокольные записи, которые докладывались бы руководителю Политбюро –

Генеральному секретарю. И сегодня бы мы не терялись в догадках на счет вкусовщины в подаче тех или иных фактов.

Я почему-то думаю, что отказ авторов книги от претензий на стенографическую точность не может исключить, если не попыток опровержений со стороны некоторых названных в тексте персонажей, то комментариев, граничащих с ними. Другой вопрос – прозвучит это публично или где-то там в кулуарах.

Этот тот случай, когда не дух буквы главенствует, а дух произносимого и дух произносящих, мне кажется. По этому читатель будет судить о содержании книги.

Человек беспристрастный и не закомплексованный прочтет книгу, и я уверен, найдет ответы на очень многие вопросы, на те вопросы, которые он не находит, в том числе у авторов воспоминаний даже из числа участников этих дискуссий, которые описываются в книге. Ибо, в принципе, всякий комментарий субъективен, а у подверженных конъюнктурному подходу в оценке событий и фактов он находится далеко за пределами обычного, даже житейского толкования. Это уже нечто другое.

Порой, осознавая себе налет консерватизма во взглядах в то время, мы, как правило, старались найти в себе силы, волю, чтобы преодолеть этот консерватизм. Это делалось в том случае, если мы по-настоящему, а не на словах старались, были озабочены поиском путей решения тех или иных проблем.

Я считаю это естественным состоянием человека, если он на деле демонстрирует все-таки глубокий поиск, а не пытается оправдать сегодня и тогда свое такое положение инертного человека. Собственно, я таким увидел в книге большинство участников дискуссий по большому спектру очерченных перестройкой вопросов. Другое дело, мировоззренческая ортодоксия, которая в период перестройки встала на пути преобразований.

Книга, как никакие другие источники, убедительно подтверждает, насколько непреодолимым оказалось такое состояние человеческих душ на

всех уровнях общества сверху донизу. Пожалуй, не оспорим тот факт, что каждый персонаж из поименованных в книге представлял, как правило, не только себя, а целые слои общества. Поэтому читатель сможет четче представить себе, как сложно было вести «корабль» перестройки, да еще и по неизведанному курсу, когда в условиях беспрецедентной гласности прозрачность всего процесса преобразований носила неоспоримый характер.

Читатель также наверняка отметит дефицит конструктивного подхода в высказываниях некоторых участников дискуссий по конкретным проблемам. Можно было слышать пространные высказывания, подходы - и ничего конкретного. Дефицит абсолютный. Особенно, я должен сказать, у тех из участников, которые, собственно, несли персональную ответственность за экономические преобразования в стране, за реформы в экономике. Были же люди конкретно, находившиеся у руля.

Я не могу забыть, с каким неприязненным неприятием воспринималась моя записка по итогам поездки в Китай. Эта поездка была первой после длительного похолодания в наших отношениях. Я возглавлял делегацию Комиссии законодательных предположений Верховного Совета. Делегация была не партийная, но пробыли мы 10 дней, и я написал записку. Ее читать никто не хотел. Причем отвергали, не читая, не предлагая никакой альтернативы порой. Это меня до сих пор возмущает, тем более что успехи китайская экономика, по-моему, демонстрирует всему миру.

Поэтому готовность высказаться по изменениям и критериям такого фундаментального, базового плана далеко не всегда была сопряжена с готовностью предложить что-то конкретное - из разряда мероприятий прикладного характера, которые ждет практика. Трудно представить себе даже и Президиум Академии наук, где 90 процентов времени члены Президиума отдавали бы только фундаментальным наукам, не замечая того, что они не находят своего отражения в повседневной жизни.

И последнее. Внимательный читатель заметит, мягко говоря, несамокритичный подход в выступлениях ряда участников дискуссий. Это

красной линией проходит. Любой фрагмент, любой раздел берите и там это видно.

Несамокритичный подход в высказываниях участников...

Горбачев М.С. Георгий, ты высказал важную мысль: субъективизм присутствует. Я бы даже сказал – не субъективизм, а субъективное начало. Потому что каждый – личность, каждый имеет свое воззрение и т.д. Это присутствует. Но я, например, прочитал, конечно, не раз, прежде чем материал пошел в работу. И пришел к выводу, что его достоверность я не ставлю под сомнение.

Разумовский Г.П. Нет, Вы меня неправильно поняли. Я говорю о комментариях, которые сегодня мы слышали...

Горбачев М.С. Ты сказал, что дух присутствует. Можно деталями, разными словами выразить, но у меня не возникло при чтении сомнений, что дух передан правильно. Почему я тебя спрашиваю, ты же – участник.

Разумовский Г.П. Несамокритичный подход в высказываниях просматривается. Я закончу эту мысль.

Реплика. В книге?

Горбачев М.С. У тех, кто в дискуссии участвует.

Разумовский Г.П. У участника дискуссий просматривается несамокритичный подход. Речь идет о его проблемах. Он как-то элемент отчетности должен подчеркнуть. Нет, уходит в сторону, говорит обо всем, ищет причину неудач где-то в смежных областях, а то и в концепции самой перестройки. Разве я не прав, Вадим Андреевич?

Медведев В.А. Ты имеешь в виду несамокритичность...

Разумовский Г.П. Не в ваш адрес. Вы так внимательно слушаете, как будто бы я вас собрался здесь раскритиковать. Я как раз хотел подчеркнуть, что как участник обсуждений, я не нашел ответа. Порой за мелкотемьем, интенсивной эмоциональной окраской высказываний обнаруживалась имитация бурной деятельности некоторых. Так ведь, Анатолий Сергеевич?

Черняев А.С. Да.

Разумовский Г.П. Это некоторые впечатления, которые я хотел бы высказать.

Некипелов А.Д. Я полностью присоединяюсь к той очень высокой оценке этой книги, которая уже была дана сегодня. Я считаю, что это действительно очень важно, что Анатолий Сергеевич, Георгий Хосроевич, Вадим Андреевич провели эту гигантскую работу, и она действительно имеет огромное значение и в политическом, и в нравственном смысле, и в чисто познавательном. Вы знаете, просто страшно интересно читать, потому что она проливает свет на многие вещи, свидетелями которых мы были со стороны. Конечно, прочитав эту книгу, мы все равно не до самого конца понимаем механизм принятия решений, но очень много все-таки становится ясным.

Конечно, поражает - и об этом тоже коллеги уже говорили – огромная эволюция людей, которые являются героями этой книги. На протяжении этого, в общем-то, очень небольшого периода времени - я был просто потрясен, когда я начал листать эту книгу. Да, действительно, о 1985-1986 годах немного написано, но когда это читаешь и видишь тот язык, о котором уже забыл - а тут видишь, как он использовался в процессе принятия решений - это просто удивительно. И дальше видишь, как у этих людей очень серьезная эволюция взглядов происходила.

Но есть еще одна такая вещь, для меня очень интересная. Все мы, так или иначе, все время возвращаемся к вопросу, почему такое великое благородное дело, как перестройка, полной победы не одержало. Да, она некоторые вещи сумела поднять – такие, которые и сегодня остаются в нашем обществе, играют важнейшую роль. Но в полном смысле слова, конечно, говорить о победе перестройки сложно.

Мне кажется, здесь очень много причин - и субъективных, и объективных, как мы привыкли говорить. Но вот, мне кажется, эта книга, этот труд дает основания и для такой версии: вы помните, когда начиналась перестройка, этот знаменитый фильм «Так жить нельзя». Как бы в обществе

было сознание, понимание того, что так жить нельзя. Оно, действительно, было очень сильным. И поэтому перестройка, конечно, вызвала такую мощную благожелательную ответную реакцию всего населения. Но, к сожалению (это не упрек в чей-то адрес или, точнее говоря, это упрек в адрес системы), то, что были перекрыты пути, в значительной степени, для творческого развития гуманитарных, особенно общественных, дисциплин, привело к тому (и сегодня об этом, по-моему, уже Рой Александрович говорил, ссылаясь и на Андропова и т.д.), что оказалось: мы, действительно, с одной стороны, очень неважно знали то общество, в котором жили, а еще хуже представляли пути его дальнейшего развития.

С моей точки зрения, период перестройки представлял собой своеобразную погоню. С одной стороны, развертывались мощнейшие события, и, с другой стороны, люди, которые стояли у истоков этих событий, вынуждены были (не могло быть иначе, к сожалению) вынуждены были на ходу менять свою позицию. Вначале, как мы помним, исходили из того, что в принципе как бы всё хорошо, но вот есть некие наслоения, нужно просто больше социализма, нужно с научно-техническим прогрессом разобраться и т.д. Потом говорили, что вроде не работает, нужно больше самостоятельности предприятиям. Вначале не было слова «рынок» - там, «социалистические товарно-денежные», «планомерные» и т.д. отношения. Потом потихонечку появляется понятие рынка. Причем оно появляется в содержательном смысле впервые по отношению к реформам, которые в рамках СЭВ предполагалось провести. Не все помнят сейчас, а тогда появилась вначале концепция формирования объединенного социалистического рынка, причем, где рынок рассматривался не как какой-то особый, не имеющий отношения к настоящему рынку, а именно как содержательный рынок.

И эта гонка, к сожалению, чем еще сопровождалась? Она сопровождалась тем, что с сегодняшней высоты, с позиции наших сегодняшних знаний нам, конечно, очень легко критиковать. Легко очень

говорить о том, что не было целостного представления о том, что нужно делать и т.д. Но его, действительно, не было. И самое-то печальное, что его и не могло быть. А многие решения, которые принимались, и вектор, который был, как бы абсолютно правильный и вызывал поддержку людей, по крайней мере, на первом этапе и т.д., - они, в конечном счете, в силу того, что не было целостного взгляда, приводили к серьезным деформациям. Главное, что они приводили к формированию интересов, которые потом начинали блокировать развитие перестройки. Когда уже как бы становилось, условно говоря, понятным, что надо делать, оказывалось, что возникли уже очень мощные интересы, препятствующие рациональным решениям, и т.д.

Может быть, это тоже такое очень субъективное восприятие, но мне кажется, такой анализ этой книги - помимо того, что, действительно, она просто необыкновенно интересна - дает почву для возвращения к попытке теоретического осмысления того, что все-таки происходило и произошло в этот очень интересный, очень важный - при всем при том, что перестройка не закончилась полным успехом - период жизни страны.

Большое спасибо участникам этого проекта и Горбачев-Фонду.

Соловей В.Д. Я сам профессиональный историк по образованию, по роду деятельности. Если бы 15 лет назад мне кто-то сказал, что выйдет книга, где будут содержаться материалы Политбюро, я бы никогда в жизни этому не поверил. Но, тем не менее это невозможное свершилось.

Я хотел бы поделиться некоторыми впечатлениями не столько о содержании самой книги, не о том, что она поможет скорректировать многие гипотезы. Здесь сидят блестящие историки, авторы очень хороших учебников. Они могли бы сказать об этом лучше и подробнее, и они это учтут в своих учебниках, я не сомневаюсь.

Я хотел бы сказать и о чисто человеческих впечатлениях и о том, что, пользуясь лексикой той эпохи, называли человеческим фактором. Прежде всего, я хочу поблагодарить составителей этой книги. Это современные Несторы - летописцы. Эта фраза может звучать несколько иронично, но она

по существу очень серьезна. Потому что этот тип записей качественно, по своей культуре отличается от современной мемуаристики. Что я имею в виду?

Для любых современных мемуаров эпоха является фоном и рамкой для того, чтобы оттенить автора и показать его. И читая иные мемуары, понимаешь, что авторы – это самые талантливые, самые умные, самые способные люди. Только обстоятельства им не дали свершить то, что они могли бы свершить. Здесь, несмотря на все пристрастие и субъективизм записей, отчетливо понимаешь, что в фокусе находится эпоха. Не люди, которые писали об этом, а эпоха, события и то, что они видели, то, что наблюдали. Это огромное колоссальное преимущество, безусловное достоинство, и за это спасибо именно авторам-составителям этой книги. К сожалению, одного из них нет с нами.

Второе, совсем непрофессиональное наблюдение. Когда книгу просматриваешь, то сразу замечаешь, что в ней действуют не политические функции, а люди. Эти полубоги в 90-е годы и тем более в 1986 году - оказываются людьми. Со своими слабостями, предрассудками, заблуждениями, иллюзиями и надеждами. И показано, как эти люди меняются. Меняется не только их политическое качество, меняется и человеческое. Это огромное достоинство книги.

Третье. Просмотрев эту книгу (не скажу, что прочитал, это, надеюсь, я сделаю, не сомневаюсь даже), я понял точность фразы Платона, который говорил о том, что политика и власть – это царское искусство. Потому что управлять коллективным умом партии, я понял, значительно тяжелее, чем строить вертикаль власти. Значительно тяжелее. И для этого надо бы обладать талантами, которые лично для меня теперь стали яснее и понятнее. Могу сказать, что обычные ссылки на то, что не слушают науку и т.д., как раз на фоне этой книги звучат не очень убедительно. По-моему, 100 самых умных политологов не в состоянии заменить одного умного правителя, который должен полагаться не столько на науку, видимо, сколько на свою

интуицию и на свое представление о меняющемся мире. Это нечто, что дается свыше.

И, наконец, я закончу тем, какое значение эта книга будет иметь. Я думаю, что ее резонанс в России будет ограниченным. Значительный более широкий резонанс она будет иметь за пределами России. И по той простой причине, что в современной России ни обществу, ни тем более элитам не нужна история и не нужна правда о том, что было.

Горбачев М.С. А что же им нужно, по твоему мнению, если правда не нужна?

Соловей В.Д. Не будем сейчас об этом. Если говорить о смысле и значении исторической науки, то в России действует не формула античная, что история – это наставница жизни, а, скорее, знаменитая формула Ключевского, что история ничему не учит, но за незнание уроков наказывает.

Вместе с тем я, - несколько в парадоксальной манере - думаю, что, возможно, Чаадаев ошибался. Возможно, как раз то, что для России характерно историческое забвение – это ее счастья. Возможно, она себя таким образом излечивает от ошибок и коллективных травм прошлого. И каждый раз она начинает свою историю заново, с нового листа. В России нет прошлого. Есть только настоящее и будущее. Возможно, как ни парадоксально, в этом ее счастье. На этой элегической ноте я закончу.

Шахназарова А.Г. У меня несколько лирический окрас впечатлений о дальнейшей судьбе этой книги. Не просто дальнейшей, а очень долгой судьбы этой книги, как мне кажется.

Один из рассказов Георгия Хосроевича (он писал рассказы и книги, вообще художественную литературу) назывался «И деревья как всадники...» «И деревья, как всадники, встретились в нашем саду» - это строчка, как вы знаете, из известного стихотворения Есенина.

Содержание рассказа таково. Через много-много лет, лет через 200, через 250 или через 100, когда вся наша художественная литература и всё художественное творчество будет выброшено на свалку истории или

записано на короткие диски, а может быть, и вообще действительно будет выброшено на свалку истории, когда люди потеряют свой язык и навыки литературы, как всегда в любом обществе найдутся несколько любопытствующих ученых, которые, роясь в архивной свалке, вдруг наткнутся случайно совершенно на эту гениальную фразу: «И деревья, как всадники, встретились в нашем саду». Они ужасно удивятся и скажут: «Боже мой, какие прекрасные слова, какая замечательная фраза. Это должно быть очень талантливая книга».

Я думаю, что через 200 лет найдутся такие любопытствующие историки, которые в каком-то хламе обнаружат эту книгу и скажут: «Боже мой, какая нужная и полезная книга». Вот всё, что я хотела вам сказать.

Горбачев М.С. Судьбу вы нам нарисовали своим рассказом неважную. Я вспомнил сразу свою встречу с Леонидом Леоновым. Ему исполнилось 90 лет. Шел съезд народных депутатов. И я во время перерыва поехал к нему домой, где собралась его семья. Поехал, чтобы поздравить, вручить ему какие-то сувениры, и пошла беседа. Он говорит: вы знаете, я вот не отрываюсь от экрана - страшно всё интересно. Но я подумал, что ваши проблемы еще будут дальше осложняться. И главное противоречие - и ваши трудности, и наши все трудности состоят в том, что вы закладываете основы для новой страны, для нового общества. К этому надо идти долгим, долгим путем. То есть всё, что вы делаете сейчас, - это на триста лет вперед.

Вот это я вспомнил, когда Анна Григорьевна сказала о двухстах годах. А люди живут сегодня и они не согласятся с такой концепцией. Им нужно, чтобы сегодня находились решения. Вот как сочетать решение и тех, и других задач – это проблема проблем. Надо очень много ума, терпения, действий и выдержки.

Надо было выстраивать стратегию, исходя из реальной жизни, учитывая историю, наши уроки, наши все блуждания и поиски и вместе с тем заглядывать далеко вперед, иначе вообще ничего нельзя было предложить.

Тут я подхожу к ответу на ту часть вопросов, которые поднял первым Леонид Иванович, и я хочу сказать об этом. Как же получилось : принимаем, принимаем решения, едем на места (а это первое, что я делал, не доверяя никаким информациям о том, как решения реализуются), с народом говорим. А ничего не меняется: это в Краснодаре, в Ставрополе, это на Украине, это в Красноярске, в Хабаровске, в Комсомольске-на-Амуре, Норильске – везде, повсюду - и в Прибалтике также. Ничего не меняется. Это так. Это, видимо, ответ, Леонид Иванович. Я другого ответа не нахожу после уже многих раздумий.

Вся причина – в исчерпанности системы, в которой мы жили, потому что она не реагировала ни на что. Вот людям перестройка была нужна, общество ее приняло. До 1990 года все опросы показывали: 50, 60, до 80 процентов поддерживали руководство. Это продолжалось до середины 1990 года. Потом - сразу обвал, когда вся страна оказалась в очередях, и сказала, что коней надо менять, хотя переправа еще не была осуществлена.

Ведь мы, в общем-то, выход нашли и предложили его. Это был очень острый вопрос. Как он трудно давался! Медведев знает, как однажды, в Красновиново, работая над тезисами доклада для январского Пленума (а это была реакция на то, что происходило в 1986 году и на то, как реагировали на съезд), мы дошли до формулирования всех этих проблем, рассорились и два дня не разговаривали. Разошлись и бродили по разным дорогам в Красновиново - потом встретились (наверное, свежий воздух повлиял). Мы пришли к тому, что нужна политическая реформа, надо включать сам народ. Ничего не будет происходить, ничего не будет меняться, если мы будем по-прежнему делать ставку на партийную бюрократию, на наших товарищей по партии - надо включать народ и включать гласность по-настоящему. Вот тогда началось. И я думаю, в этом смысле мы не ошиблись, дав направление - политическая реформа.

Поэтому потребовалась конференция. Помните, как хотели сорвать ту конференцию, как хотели пустить под откос февральский Пленум - а это

была платформа XIX конференции? Как хотели заменить ее срочным созывом Пленума, чтобы похоронить конференцию - как хотели дать команду на срочный созыв Пленума? И об этом, кстати, в книге есть. Удалось всё отстоять и прийти на конференцию. И какая была конференция! Потрясающая. На ней ведь говорили в основном люди с мест. Это было семь дней настоящей качки - вплоть до того, что мог бы корабль и перевернуться. В конце концов, было очевидно, что нельзя так оставлять. А конференция прямо сказала, что мало, что меняется, что всё остается по-старому: сменили один раз состав секретарей райкомов и горкомов, потом уже второй, третий раз - ничего не меняется. Ибо те стояли в очереди: они теперь дошли до цели и вдруг - меняется ситуация. Как же так? - они дошли, а тут их хотят какими-то новациями как бы отстранить и где-то отодвинуть.

И в связи с этим вопрос – победила или не победила перестройка? Я думаю, если перестройка - это начало того движения, которое будет идти в течение всего XXI века, то она состоялась. Мы дали мощный толчок. И не только толчок - мы дали направление движению. Мы решили вопрос о политической реформе. Мы заявили новый подход к партийному строительству. Мы решили вопрос о собственности, дали ход всем видам собственности, включая частную собственность. Мы приняли Закон о свободе вероисповедания. Мы начали движение по всем направлениям, которые охватывают человеческую жизнь.

Вот тут-то и произошло самое главное. У нас бюрократия существует во все времена. Сталин у Ивана Грозного учился, как надо управлять, и очень поощрял фильмы, которые преподносят это. Поэтому вместо опричников - КГБ и т.д. – вот что брали, чтобы укрепить власть. А перестройка состоит в том, что мы - в том числе и через политическую реформу - начали делегировать власть народу, кому, собственно, и должна принадлежать власть на всех уровнях. Мы и сейчас еще не решили эту проблему, причем ни на одном уровне не решили.

Я выступал перед американской аудиторией, в которой были представители политической, научной, культурной элиты. (Кто был со мной тогда в американской поездке, помнят этот зал.) Я говорил о том, что, конечно, мы встречаемся с проблемами сопротивления номенклатуры – и партийной, и хозяйственной, и особенно военной. Хотя все предложения принимались, кстати, на основе участия в их разработке все той же номенклатуры. Это был стиль работы Политбюро.

Но о Сахарове - ясно. Тут номенклатура не нужно была. Я просто сказал: дайте мне досье, на основе которого Сахарова сослали в Горький. Нет, не дают и не дают. Оказывается, никакого досье нет. В данном случае сошлись в Политбюро, договорились и отправили академика в ссылку. Следующий шаг был – пусть напишет он просьбу. Это то, на что шел и Юрий Владимирович Андропов. Он выступал за то, чтобы вернуть Сахарова, но – пусть тот попросит. Я понимаю: потому что по его предложению Сахаров был отправлен в ссылку...

Я позвонил Сахарову и пошел этот процесс, который вернул его в Москву. Кстати, Зимянин спросил, поблагодарил ли он - нет, не благодарил Сахаров. Я еще не закончил свою мысль, а он говорит: «Михаил Сергеевич, надо выпустить всех политзаключенных». Он сразу начал говорить о том, за что он боролся. Я говорю: «Приезжайте, будем со всем разбираться - со всеми проблемами, вопросами, которые Вы будете ставить. Приезжайте, возвращайтесь». Этот разговор закончился так.

Сейчас бюрократии в полтора раза больше, чем во всем Советском Союзе. Вопрос о бюрократии Борис Николаевич просто решил: дал ей грабить собственность. Она успокоилась, и он стал для нее приемлем. Но ведь в этом как раз и трагедия: во-первых, ставка на развал Союза, а не на постепенное эволюционное в течение 25-30 лет движение; во-вторых, шоковая терапия; в-третьих, хищническая приватизация, которая у народа в считанные месяцы забрала всё.

Идут разговоры, что одолеть коррупцию можно силами вертикали власти и правоохранительных органов - нет, коррупцию можно одолеть демократией. Будет демократия, будет народ включаться в эти процессы – будет решаться и проблема коррупции. Ее можно решить только таким путем.

Знаете, правды еще придется много говорить. Это страшно тяжело, но необходимо. И не только для очищения собственной совести, но и для очищения общей атмосферы. Поэтому я хотел бы, чтобы из чтения нашей книги и из нашего сегодняшнего разговора извлекли уроки. Вот самое главное.